

ИГРА народная

*Русские писатели
о футболе*

Издательство АСТ
Москва

Содержание

Александр Генис	9	Дзен футбола
	16	Заметки на полях Бразилии
	25	Метафизика футбола
	28	Футбол как религия
Андрей Рубанов	34	К нам едет Марадона
Ираклий Квирикадзе	58	Переделкино, чача, сомбреро
Александр Нилин	63	В ожидании Стрельцова
	79	Шостакович и футбол
Евгений Водолазкин	84	Моя футбольная биография
Кирилл Набутов	89	Пусть продолжают, или Святой Диего
Николай Александров	105	Миф о мяче
Вячеслав Божко	109	«В раю мы будем в мяч играть». Голкипер Владимир Набоков
Сергей Самсонов	116	ДЮСШ имени Горького
Денис Романцов	135	Спортивный журналист, ставший великим писателем. Памяти Юрия Трифонова
Василий Уткин	153	Как я был футболистом
Николай Заболоцкий	168	Футбол

Алексей Самойлов	171	Перед своим незапятнанным голом. Памяти Льва Яшина
Александр Секацкий	181	Футбольный мяч и его орбиты
Осип Манделъштам	214	Второй футбол
Сергей Носов	210	По воротам
Александр Терехов	216	За дармоедами
Геннадий Орлов	248	Как там Аршавин? О болельщике «Зенита» Кирилле Лаврове
	253	Путешествия в Грузию. Памяти Котэ Махарадзе
	261	Мой крестный отец на ТВ. О Николае Озерове
Виктор Шендерович	272	Как моя мама спасла советский футбол
Илья Казаков	282	Голландский Дамблдор: любовь и волшебство
Ольга Брейнингер	287	Правильные люди
Виктор Набутов	316	Питер-то живой, братцы!
Дмитрий Данилов	326	Граундхопинг
Андрей Вознесенский	366	Футбольное
Дмитрий Федоров	369	Полевое бессилие
Владимир Стогниенко,	374	Родина
Семен Павлюк		футбола

Об авторах **409**

*Я вплетал бы свой голос в общий звериный вой
там, где нога продолжает начатое головой.
Изю всех законов, изданных Хаммурапи,
самые главные — пенальти и угловой.*

Иосиф Бродский

*«Футбол — слишком серьезная игра,
чтобы общественное о нем мнение создавалось людьми,
у которых ничего за душой и в голове нет,
кроме футбола...»*

Александр Нилин

Александр Генис

Дзен футбола

Иногда мне кажется, что Новому Свету труднее открыть Старый, чем Колумбу — Америку. Во всяком случае, четверть века назад, когда я приехал в Нью-Йорк, хлеб здесь ели квадратный, а футбол я смотрел с нашим дворником-мексиканцем, естественно, по-испански. С тех пор кое-что переменилось и на кухне, и на поле. В «Макдоналдсе» завелись круассаны, а в пригородных школах выросло поколение мальчишек (и девчонок), умеющих играть в футбол — но не смотреть его.

По-прежнему самая популярная во всем мире игра в Америке — достояние национальных окраин, этнических маргиналов, которые вывезли свое увлече-

ние с родины и так и не смогли приучить к нему аборигенов. Ни триумфы, ни поражения американской сборной не могут победить стойкого равнодушия этой страны к игре, перипетии которой способны нарушить покой всего остального мира.

Футбол как был, так и остался старосветской причудой, не без основания вызывающей у американцев подозрения в мазохизме, исторической неполноценности и государственной недостаточности. Чтобы полюбить футбол, американцы должны стать как все, но именно этого они всегда боялись.

Неудивительно, что у тайны этого вопиющего безразличия слишком много разгадок. Одни видят причину в самой игре. Следить за безрезультативной ничьей — развлечение возможное, но слишком уж утонченное. Другие считают, что всё дело в географической карте, на которой болельщики не умеют найти соперников: рядовой американец знает только те страны, с которыми воюет. Третьи ищут отгадку в политике. Американцы, отказавшись, в отличие от своих южных соседей, продолжать европейскую историю, упразднили и футбольный патриотизм, превращающий чемпионат мира в состязание стран, а не спортсменов.

Футбол, как ООН, прокламирует равноправие всех государств, независимо от территории, населения и дохода. Но в противовес ООН футбол реализует формальную справедливость на деле, демонстрируя равенство Давида с Голиафом.

В мире, где банки, интернет и террористы успешно отменяют государственные границы, один футбол укрепляет тающую державную идентичность. Легче всего страны и народы отличить на поле — по трусам и майкам. Иногда, впрочем, не только цвет, но и суть национальной души проявляется в геометрии игры. Трудно спутать дисциплинированный марш немцев от ворот к воротам с вихревым перемещением бразильцев, не отдающих мяча ни своим, ни чужим.

Наглядные различия еще больше подчеркивают геральдическую природу футбола. Разновидность государственного фетишизма, это могучее суеверие напоминает культ плодородия, связывающий коллективное благополучие с забитым голом. Столь архаические переживания, однако, далеки американцам. Чужие на празднике жизни, они держатся по другую сторону — в одиноком безнациональном раю, где футболисты, как пришельцы или ангелы, гоняют мяч по полю в основном для своего, а не нашего удовольствия.

Я не оправдываю американцев, я их жалею, ибо смотреть футбол не менее интересно, чем играть в него, причем ничуть не легче.

Как всё великое, футбол слишком прост, чтобы его можно было объяснить. Поэтому многие путают его с религией, нажимая на мистериальный характер действия, или — с жизнью, подчеркивая непредсказуемость происходящего и высокую цену ошибок. Но

мне футбол кажется искусством, которое, как и он, невозможно без основополагающей условности.

Футбол может обходиться без сетки, судьи и света (в рассказе Валерия Попова мяч натирали чесноком и играли по запаху). Единственное необходимое условие состоит в запрете на самый естественный для всех, кроме Венеры Милосской, порыв — коснуться мяча рукой. До тех пор, пока мы добровольно взваливаем на себя эти необъяснимые, как рифма, вериги, футбол останется собой, даже если в одной команде игроков вдвое больше, чем во второй, а вратаря нет вовсе.

Вопиющая простота правил говорит о непреодолимом совершенстве этой игры. Как в сексе или шахматах, тут ничего нельзя изобрести или, тем более, улучшить — нам не дано исчерпать то, что уже есть.

Однако простота еще не значит нетребовательность. Футбол признаёт только полное самозабвение. Он напрочь исключает тебя из жизни, за что ты ему и благодарен. Наслаждение приходит лишь тогда, когда мы следим за полем, словно кот за птичкой. От этого зрелища каменеют мышцы. Ведь футбол неостановим, как время. Он не позволяет от себя отвлекаться. Ситуация тут максимально приближена к боевой — долгое ожидание, чреватое взрывом.

То, что происходит посредине поля, напоминает окопную войну. Бесконечный труд, тренерское глабокомыслие и унылое упорство не гарантируют ре-

шающих преимуществ. Сложные конфигурации, составленные из игроков и пасов, эфемерней морозных узоров на стекле — их так же легко стереть. И всё же мы неотрывно следим за тактической прорисовкой, зная, что настойчивость — необходимое, хоть и не достаточное, условие победы.

Иногда, впрочем, ты погружаешься в игру так глубоко, что начинаешь предчувствовать ее исход. Под истерической пристальностью взгляда реальность сгущается до тех пределов, за которым будущее пускает ростки в настоящее. Ощущая их шевеление, ты шепчешь сам себе «сейчас жажнут», надеясь наконец стать пророком. Но, как и с нами, такое случается редко и всегда невпопад. Футбол непредсказуем и тем прекрасен. В век, когда изобилие синтетических эмоций только усиливает сенсорный голод, мы благодарны футболу за предынфарктную интенсивность его неожиданностей. Секрет их в том, что между игрой и голом нет прямой причинно-следственной зависимости. Каузальная связь тут прячется так глубоко, что ее, как в любви, нельзя ни разглядеть, ни понять, ни вычислить. Конечно, гол рождается в гуще событий, но он так же не похож на них, как сперматозоид на человека.

Нелинейность футбола — залог его существования. В отличие от тех достижений, что определяются метрами и секундами, футбол лишен меры и последовательности. Гол может быть продолжением игры, но может и перечеркнуть всё, ею созданное. Несправед-

ливый, как жизнь, футбол и логичен не больше, чем она. Проигрывают те, кто знает, как играть. Выигрывают те, кто об этом забыл. Футбол ведь не позволяет задумываться — головой здесь не играют, а бьют, желательно — по воротам. Отрицая интеллект и запрещая разум, футбол обнажает свою суть: это игра инстинктов. Только те, кто умеет доверять им больше, чем себе, загоняют мяч в сетку.

Великий форвард, на которого молится вся команда, воплощает свободный дух футбола и является им. Он носится по полю, как пассат, послушный только постоянству направления. Его цель — оказаться в нужном месте в нужное время, чтобы не пропустить свидания с судьбой. Мяч кажется материализацией этого непрерывного движения, продолжением его. Но встреча двух тел в неповторимой точке пространственно-временного континуума все равно есть дело случая. И мы рукоплещем тому, кто способен его расположить к себе — не расчетом, а смирением, вечной готовностью с ним считаться, его ждать, им стать.

У Генриха фон Клейста, самого здравомыслящего из немецких романтиков, есть странное эссе — «О театре марионеток». В нем он, зная, «какой непорядок учиняет сознание в естественной грации человека», утверждает преимущество куклы над балериной. В подтверждение дикой теории Клейст цитирует признание непобедимого фехтовальщика, которому пришлось сразиться с медведем: «Мало того, что все мои удары

медведь парировал, ложных атак он просто не принимал: глядя в глаза мне, он, словно видя в них мою душу, стоял с поднятой для удара лапой и, если мои выпады были обманчивыми, не шевелился». Комментируя поединок, автор резюмирует: «Мы видим, что чем туманнее и слабее рассудок в органическом мире, тем блистательнее и победительнее в нем выступает грация».

Описанная дуэль доходчиво объясняет (о чем не мог догадываться Клейст) тонкости боевого искусства самураев. В них всегда побеждал тот, кто умел отключить свой мозг, достигнув состояния «му-шин» — «без-сознания». Расставшись с контролем рассудка, боец рассеянно следил за происходящим, ни на чем не фиксируя внимания. (Глядя на лист, мы не видим дерева.) Полагаясь на вымуштрованное тело, самурай заставлял себя забыть об обретенном выучкой мастерстве. Только когда безыскусность оборачивалась непредсказуемостью, он наносил неотразимый удар, неожиданный для ОБОИХ противников.

Это говорит о том, что там, где цена поражения слишком велика, мы не можем полагаться на такое сравнительно новое изобретение, как разум. Тело древнее ума, а значит, и мудрее его.

Не потому ли в школе больше всего голов забивают двоечники? Во всяком случае, наш лучший форвард десять лет списывал у меня сочинения. Фамилия его, кстати, была Медведев.